

Воронов В.Н. Вооруженные формирования на территории Сибири в период Гражданской войны и военной интервенции: историография и источниковедение проблемы. М., 2007. 237 с.

Виталий Николаевич Воронов более двадцати лет специализируется на исследовании проблем Гражданской войны на Востоке России (1917 – 1922 гг.). В связи с этим вполне закономерно выглядит то, что он вышел на историографическое осмысление проблемы вооруженных формирований на территории Сибири в период Гражданской войны и военной интервенции, которой он посвятил в свое время докторскую диссертацию¹.

Исследователь решил в своей монографии крупную научную проблему, дав на основе современных достижений исторической науки всесторонний и комплексный анализ процесса формирования и приращения исторических знаний по рассматриваемой проблеме на протяжении всего исследуемого периода отечественной истории. Исследована историческая, а также обществоведческая и военная литература, изданная в стране почти за 90 лет – с 1917 года по 2007 год. Причем автор ввел в научный оборот ряд ранее недоступных исследователям архивных документов и материалов, расширяющих наше видение изучаемой темы. В пользу тезиса о том, что в монографии решена крупная научная проблема, свидетельствует и такой аргумент: в рецензируемом историографическом труде представлены позиции исследователей по проблемам, носящим дискуссионный, полемический характер, привлечено внимание историков к вопросам, которые в контексте исследуемой проблематики считаются недостаточно и совершенно неисследованными в исторической науке. Также сформулированы выводы и научные рекомендации, направленные на активизацию научно-исследовательской работы в данной области, на упрочение связей реформируемой Российской армии с обществом, предлагаются конкретные рекомендации по совершенствованию и дальнейшему развитию проблемно-тематической отечественной историографии Гражданской войны.

Структура монографии (введение, три раздела, заключение, библиография) оптимальна. Она обеспечила решение научно-исследовательских задач, поставленных автором.

В первом разделе – “Советская и российская историография вооруженных формирований на территории Сибири: этапы развития проблемы” – исследователь исходил из четкой теоретико-методологической посылки, суть которой можно изложить так: заслуги советской историографии в изучении исследуемого периода бесспорно значи-

мы, поскольку мы имеем дело с феноменом, когда в силу принципа неисчерпаемости любого объекта познания каждое положение и слово становятся источником бесчисленных вариаций и толкований. Недостатки обнаруживаются в концептуальном осмыслении вооруженных формирований в Сибири, поскольку советская историография по понятным причинам не смогла преодолеть барьер официальной государственной идеологии. После кардинальных перемен в общественной жизни на рубеже 80-90-х гг. XX в. появилась возможность продвинуть историографию на иной уровень осмысления деятельности вооруженных формирований противоборствующих сторон на территории Сибири и дополнить материал необходимыми элементами описательного характера и фактическими данными. Например, это касается Белого, анархистского и повстанческого движений и их вооруженных формирований (С.13-14). Примечательно, что автор не пошел по пути синтезирования исключительно негативных оценочных суждений относительно советской историографии, что было модным в отечественной исторической науке в 1990-е гг. (особенно в их первой половине). В.Н.Воронов также не стал увлекаться исключительно комплиментарными оценками достижений постсоветской историографии, признавая между тем, что многие искажения в исследовании рассматриваемой темы, допущенные в советской исторической науке, были исправлены.

С учетом уровня развития исторической науки и качественной характеристики вышедшей литературы по исследуемой проблеме автор выделяет четыре периода отечественной историографии в развитии темы: первый период – со времени установления Советской власти до середины 1930-х гг.; второй – со второй половины 1930-х гг. до середины 1950-х гг.; третий – со второй половины 1950-х до середины 1980-х гг.; четвертый – со второй половины 1980-х и до 2007 г. Дается обоснование подобной периодизации. Причем автор смог кратко и емко сформулировать главные характерные черты для каждого из четырех периодов. Для первого периода – возникновение школы историков-марксистов, ставивших своей задачей исследование процессов борьбы за власть Советов и ее упрочение, в том числе и в Сибири. Историки 1920 - 1930 гг. оставили после себя значительное количество публикаций, в основном сборники статей, докумен-

неоднородна. Ее эволюция зависела от многих обстоятельств: государственного признания той или иной страной Советской России, политической конъюнктуры, степени серьезности анализа и объективности авторов и пр. Второй период (с начала 1930-х гг. до 1945 г.) Это период осмысления и анализа пережитого в Гражданской войне. В это время были опубликованы наиболее глубокие и серьезные исследования истории Гражданской войны, положившие начало эмигрантской исторической науке. Третий период (с конца 1950-х гг. до конца 1980-х гг.). Данный период можно обозначить как период аккумуляции и сохранения исторической памяти Белого движения и белоэмигрантского наследия. Четвертый период (с конца 1980-х гг. до 2007 г.). Этот этап истории нами обозначен как время переосмысления эмигрантским обществом Гражданской войны в Советской России и передача историографического наследия Белого движения новому поколению эмиграции (С.85-86).

Небезынтересны и замечания исследователя о том, что зарубежная историография Гражданской войны в России и на территории Сибири советскими исследователями делилась, как правило, на два основных направления: так называемое “реакционное” и “либерально-объективистское”. К первому относились англо-американские историки и советологи Б. Антербергер, Д. Бринклин, З. Бжезинский, Э. Карр, Э. Кренкшоу, П. Кенез, Д. Кин, Р. Пайпс, Л. Фишер, Ф. Эпштейн, Дж. Томсон, Д. Футмэн, Р. Даниэлс, Я. Шапино, А. Улам, Р. Уэссон; западногерманские историки Г. фон Раух, Г. фон Римша, Г. Штекль и другие. Ко второму направлению — американские историки В. Вильямс, Д. Кеннан, Р. Мэддокс, Р. Улмен, Д. Флеминг, Ф. Шуман и другие. И если “реакционному” направлению приписывалось оправдание антисоветской военной интервенции и стремление изобразить вооруженные формирования Белого движения как сторонников демократического и национального сопротивления то более лояльные по отношению к большевикам оценки событий вторым направлением, объяснялись изменениями современной политической обстановки и успехами развития советской исторической науки (С.87).

Выглядят убедительными такие обобщения автора: оценки многих событий истории Гражданской войны на территории Сибири как в эмигрантской, так и в зарубежной историографии во многом совпадают. Сейчас, когда некоторые работы западных исследователей опубликованы в нашей стране, как и ранее малодоступные труды лидеров Белого движения, мы видим, что их оценки были зачастую более объективны и самокритичны по сравнению с господствующи-

ми точками зрения практически за все время существования советской историографии. Несмотря на субъективность их оценок происходящих событий, знание точки зрения противоположной стороны, как справедливо отмечает автор, будет способствовать более полному и правильному пониманию событий тех лет; все эти работы, несомненно, являются хорошей основой для углубленной разработки данной научной проблемы (С.88-89).

В третьем разделе — “Основные направления изучения источниковедения проблемы вооруженных формирований на территории Сибири” — исследователь характеризует исторические источники, составившие источниковую базу его монографии, а именно: архивные документы и материалы, отложенные в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Новосибирской области (ГАО), Государственного архива Омской области (ГАОО), Центре документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО), Центре хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИ КК), Центре документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИИО); опубликованные документы; мемуарную литературу; периодическую печать.

Удачно проанализированы с источниковедческой точки зрения и опубликованные в 1925 г. протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу А.В. Колчака². Многие советские историки, справедливо отмечает автор, оперировали ими при исследовании различных проблем истории Гражданской войны в Сибири. Среди них — Л.М. Спиринов, О.А. Васильковский, В.С. Скробов и др. Однако обращение к этому важнейшему документу носило скорее эпизодический, вспомогательный характер. Авторы использовали материал допросов для иллюстрации какой-либо частной позиции или вывода. Между тем он важен с точки зрения анализа целого ряда проблем вооруженного сопротивления вооруженных формирований Советской власти и Белого движения под руководством адмирала А.В.Колчака в один из решающих для всей Советской республики периодов Гражданской войны в Сибири (С.98-99). Историк сделал здесь, полагают рецензенты, верное замечание: несмотря на то, что материалы допроса изданы в 1925 г., когда только формировались подходы к изданию документов, археография как наука претерпевала период своего становления, они подготовлены к печати достаточно грамотно и в целом отвечают правилам археографии, сложившимся на период публикации.

рассматриваемой проблемы не только советской историографии, но и историографии начала 1990-х гг. является слабое знание и использование литературы русской эмиграции.

Следует отметить, что, несмотря на многообразие подходов к проблеме роли и места вооруженных формирований Сибири в Гражданской войне, на протяжении всех этапов отечественной историографии исследователи рассматривали их в основном как враждебную Советской власти темную массу, не понимающую преимуществ политики большевиков, цеплявшуюся за свои сословные привилегии. Из-за этого причины существования и итоги деятельности вооруженных формирований Сибири в 1917 – 1922 гг. представлялись упрощенно, не проводилось глубокого анализа этого движения (С.174-179).

Между тем в монографии имеется и ряд недостатков: в некоторых фрагментах автор нарушает архитектуру собственно историографического исследования и переходит на язык, присущий собственно историческим трудам; в третьем разделе не рассмотрены документы, которые вводились в научный оборот в диссертациях, защищенных в постсоветский период; историк не счел нужным показать, как его проблема отражалась в постсоветских учебных изданиях; выпал из поля зрения ученого сюжет с историографическим анализом взаимоотношений белых властей Сибири и Юга России; недо-

статочно уделено внимание полемике, развернувшейся в перестроечной и постперестроечной историографии (вторая половина 1980-х – первая половина 1990-х гг.), о характере российской Гражданской войны как в общем, так и в регионах (в том числе и в Сибири).

Но подобные недоработки никоим образом не могут девальвировать научные результаты, полученные В.Н. Вороновым. Современная российская историческая наука пополнилась еще одним фундаментальным историографическим исследованием.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воронов В.Н. Вооруженные формирования на территории Сибири в годы Гражданской войны и интервенции 1917 – 1922 гг. Дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.

² См.: Допрос Колчака / Под ред. и с пред. К.А. Попова; текст подг. к печати и снабжен примеч. М.М. Константинова. Л.: Госиздат, 1925.

*Доктор исторических наук, профессор,
директор Поволжского филиала Института
российской истории РАН*

Ю.П. Аншаков

*Доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Поволжского филиала Института
российской истории РАН*

Г.М. Ипполитов